

Серия «История»
2025. Т. 54. С. 23–32
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 947(470)(091)"XIX"
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.23>

Участие декабристов в жизни церковных приходов и их взаимоотношения с духовенством в период сибирской ссылки

Т. А. Перцева*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
Государственный архив Иркутской области, г. Иркутск, Россия

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения ссыльных декабристов с представителями духовенства в Сибири. Анализируются их особенности, обусловленные ссылкой, а также индивидуальным отношением декабристов к религии и церкви. Показано их участие в благоустройстве и украшении местных церквей, исполнение обязательных обрядов, что влияло на формирование общественного мнения местного населения. Уделяется внимание метрическим книгам как источникам, расширяющим представление о круге общения декабристов и отношении к ним односельчан, а также позволяющим уточнить важные события в жизни декабристов.

Ключевые слова: Сибирь, декабристы, ссылка, духовенство, церковь, обряд, благотворительность, крестьяне.

Для цитирования: Перцева Т. А., Оглезнева Г. В. Участие декабристов в жизни церковных приходов и их взаимоотношения с духовенством в период сибирской ссылки // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 54. С. 23–32. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.23>

Original article

The Participation of the Decembrists in the Life of Church Parishes During their Exile in Siberia

Т. А. Pertseva*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
State Archive of the Irkutsk Region , Irkutsk, Russian Federation

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the relationship between the exiled Decembrists and the representatives of the clergy in Siberia. It analyzes the specific features of this relationship, which were influenced by the Decembrists' exile and their individual attitudes towards religion and the church. The article also highlights their involvement in the improvement and decoration of local churches, as well

as their participation in mandatory religious ceremonies, which had a significant impact on the public opinion of the local population. The article pays attention to the use of parish registers as sources that provide additional information about the social circle of the Decembrists and the attitudes of their fellow villagers towards them, as well as allowing for a better understanding of important events in the lives of the Decembrists.

Keywords: Siberia, Decembrists, exile, clergy, church, ritual, charity, peasants.

For citation: Pertseva T.A., Oglezneva G.V. The participation of the Decembrists in the Life of Church Parishes and Their Relationship with the Clergy during the Period of Siberian Exile. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2025, vol. 54, pp. 23-32. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.23> (in Russian)

Среди проблем российского (в том числе и сибирского) декабристовведения важное место занимало изучение взаимоотношений декабристов с различными слоями населения России: солдатами, крестьянами, купечеством, чиновниками, духовенством, причем последняя категория исследовалась в меньшей степени.

По прибытии в Сибирь декабристы на некоторое время оказались лишены постоянного пастырского попечения. В Чите «в церковь ходили два раза: на исповедь и для причастия Св. тайн» [4, с. 326, 160]. Только в апреле 1828 г. последовало распоряжение, чтобы для «духовных требований государственных преступников, находящихся в Нерчинских рудниках, определен был немедленно Святейшим Синодом один достойный священник, который и должен находиться при комендантке Нерчинских рудников» [10, с. 130]. Выбор пал на священника Градо-Иркутской Владимирской церкви Петра Громова, принадлежавшего к известной династии иркутских священнослужителей. Однако доверительных отношений между пастырем и его новыми подопечными не сложилось. Так, искренне верующий А. П. Беляев в своих воспоминаниях отмечал, что он «служил заутреню в большой столовой зале [каземата], по возможности довольно торжественно» [1, с. 171]. Но даже имени батюшки нигде не называет, по-видимому, общение носило чисто формальный характер.

Впрочем, такое осторожное, порой подчеркнуто отстраненное отношение к «государственным преступникам» могло объясняться определенной предвзятостью. Московский митрополит Филарет в письме алтайскому миссионеру Макарию Глухареву, доброжелательно относившемуся к тобольским декабристам, отмечал, что у людей, которые «почли себя способными перестроить целый мир, скоро ли может выйти вон вся сия огромная дурь без остатка», и уверял адресата, что «дух покаяния требует, чтобы они признались не в ошибке и заблуждении <...>, а в безумии и преступлении» [16, с. 235]. Те же мысли пытался внушить своим «духовным детям» и протоиерей Казанского собора П. Н. Мысловский, бывший их духовником во время следствия и переписывавшийся с некоторыми из них после отправки в Сибирь. В письме от 27 сентября 1828 г. он писал в Читинский острог: «Припомните слова мои во дни оны: “Вам не осталось места, где бы упасть ниже”. Непреложная, хотя и горестная, правда. Никакие убеждения рассудка не в силах разуверить в ней. <...> Вообще, должно смотреть на Вас не по тому, что Вы были прежде, а по тому, что Вы теперь» [9, с. 127].

После перевода декабристов на поселение подобная позиция иерархов не могла не сказываться на отношении приходских священников к новым прихожанам. При этом они боялись как церковных, так и государственных чиновников. Вдова олонского священника Петра Сперанского, рассказывая о своем знакомстве с декабристами, подчеркивала: «Бывала я у них во время храмовых праздников со своим мужем, но первоначально останавливались у священников, а затем уже, чтобы не навлечь на себя подозрений со стороны местных властей за близкие отношения к поднадзорным, заходили к ним» [4, с. 111–112]. Она описывала, что такой же опаской относились к новым землякам и другие местные жители, во всяком случае, поначалу: «В начале появления декабристов городское и сельское население относилось к ним боязливо, недоверчиво и даже жестоко» [4, с. 112]. «Царские преступники» рисовались крестьянам людьми отчаянными на все злое, страшнее всяких разбойников, стоящих на дороге с дубинами, кроме того, людьми с большим умом и хитрыми, потому что дураки не решатся выступить против царя» [Там же]. Потребовалось время, чтобы эти опасения исчезли.

Разумеется, на эти изменения повлияли и личные качества поселенцев, и помощь (медицинская, хозяйственная), которую охотно и зачастую бескорыстно они оказывали односельчанам. Но, думается, немалую роль в этой перемене сыграла и церковь. С самого начала их появления в местах поселения многие из них показали себя «чрезвычайно набожными, церковь посещали не упustительно» [5, с. 323]. Вряд ли сибирские крестьяне были особо ревностными прихожанами. «Состояние благочестия в народе представляет мало отрадных проявлений, – отмечалось в одном из отчетов о состоянии Иркутской епархии. – Храмы Божьи в воскресенье и праздничные дни, в особенности в рабочее время, довольно бывают пусты». Однако, согласно отчету, нельзя сказать, чтобы «народонаселение Иркутской епархии было слишком холодно в религиозных чувствах»¹.

Следующим шагом в укреплении доверия местного населения к декабристам стало их участие в благоустройстве и украшении местных, в большинстве довольно бедных, церквей. Искренне верующие и к тому же обладавшие некоторыми средствами декабристы не могли не откликнуться на нужды церквей, прихожанами которых они стали на неопределенное время. Так, братья Александр и Никита Муравьевы в Урике «на местной церкви вместо деревянной кровли сделали железную, <...> бедному священнику Карнакову построили дом, <...> выстроили близ церкви деревянное здание с тремя отделениями – одно для богадельни, другое для училища и в средине оных – для торговой лавки. Местный дьячок обучал крестьянских детей, другое помещение с лавкой отдавалось кортом, и доход обращался в пользу церкви» [Там же]. В Летописи Оёксской Успенской церкви за 1900 г. сохранилась запись о пожертвованиях, сделанных княгиней Екатериной Трубецкой «в то время, когда князь Трубецкой отбывал в Оёке ссылку в Сибирь». Среди ее даров значатся: «Воздух первый, шитый по канве разными гаруса-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 51. Л. 44–45.

ми, средина темно-малинового бархата с шитою по карте золотом звездою, на белом тафтяном подкладе, обложен позолоченою бахромою, по углам с таковыми же крестами. <...> Икона Божия Матери... шитая шелком по канве... Стиль иконы – итальянский. <...> Икона находится в настоящую пору над средним пролетом в Екатерининском приделе». Священник Михаил Попов отмечает как особую ценность этого «кимущества» то, что дарительница была искусной рукодельницей и отличалась особой религиозностью. «Несмотря на сравнительную давность, – подчеркивает летописец, – до сих пор считаются лучшими воздухами Оекской церкви, что подтверждается тем, что они употребляются лишь в самые высокоторжественные дни три-четыре раза в год», а «причт считает своим долгом поминать жертвовательницу при совершении церковного богослужения»².

Были и другие примеры участия декабристов в благоустройстве своих церквей. Признанный художник Н. А. Бестужев сообщал сестрам в ноябре 1846 г.: «Я неослабно занимаюсь живописью и теперь начинаю для царских дверей нашей новой церкви Покрова в Новом городе образ *Благовещения*. Богоматерь будет скопирована с присланной вами, а арханг. Гавриила я сочинил сам» [2, с. 381]. Познакомившийся еще в детстве с читинскими узниками Семен Малков утверждал, что в местной церкви «находится икона Спасителя, несущего крест, написанная одним из преступников, Андреевым, в начале 1830 года» [4, с. 160]. Судя по всему, память несколько подвела старого дьячка, А. Н. Андреев не был в Чите: по приговору Верховного уголовного суда он сразу был отправлен на поселение в Якутскую область. Вероятно, Малков спутал его с Я. М. Андреевичем, художником-любителем, действительно отбывавшим каторгу до 1839 г. Возможно, писал образа и П. Ф. Громницкий. Во всяком случае, как указывала в своей заметке Э. Г. Павлюченкова, «бельские старики утверждают, что в церкви с. Бельского в свое время находилось несколько икон, написанных декабристом, который таким образом зарабатывал себе на жизнь. Вряд ли это был Анненков, по всей вероятности, это мог быть Громницкий» [13, с. 211]. Еще более масштабным было участие декабристов в обновлении тобольской церкви. Решив, по-видимому, придать храму более современный вид, они заказали литографии, ставшие в каком-то смысле прообразами для росписей местных художников. Довольно подробно в письме к брату описал эти работы М. А. Фонвизин: «Местных икон четыре: Спасителя, Божией Матери, апостолов Петра и Павла и св. Ольги и Марии Магдалины; <...> над царскими вратами “Тайная вечеря” полукруглая... а над ней распятие с вершиной Голгофы и с двумя предстоящими. Фигуры сняты с картины Брюллова <...>. Иконостас белый с золотой резьбой... П. С. Пушкин... как рисовальщик принимал живое и деятельное участие в живописи своими наблюдениями и советами... <...> На прошедшей неделе преосвященный Георгий посетил нашу церковь, любовался новыми иконами и сказал, что это лучшая живопись во всем Тобольске» [15, с. 134–135]. Тот же П. С. Бобрищев-Пушкин

² ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 417. Св. 68. Летопись Оекской Успенской церкви Иркутской епархии. 1900 год. Л. 13–13об.

стал еще и архитектором церкви в с. Подрезове под Тобольском [3, с. 76], а П. А. Муханов – в Братском остроге. «Теперь просьба – ты вместе со старой исполни поскорее: крестьяне хотят строить церковь, – писал он своему шурину В. М. Шаховскому. – Для оной нужен фасад и план. Нельзя ли доставить от хорошего архитектора на условиях, к проекту прилагаемых. Профили делайте подробнее для нас глупых. Кажется, мне доведется разбирать их» [12, с. 344]. Трудно судить о качестве, а тем более о художественной ценности этих творений, так как большинство из них до наших дней не дошли. Но, поскольку в свое время они были приняты церковным начальством и некоторые из них оставались в составе имущества храмов еще в начале XX в., можно предположить, что они отвечали основным требованиям и канонам.

Однако для большинства ссыльнопоселенцев общение с церковнослужителями ограничивалось исполнением обязательных обрядов. И первым из них, если не по значению, то по регулярности соблюдения, была ежегодная исповедь. Зная о постоянном надзоре за их поведением, декабристы не избегали этого ритуала без особых причин, но в письмах они упоминают о своем участии в этом таинстве крайне редко. Несоответствие некоторых сельских священников образу пастыря, по-видимому, заставляло ссыльных дворян искать себе духовников на стороне, как это было с Н. В. Басаргиным, избравшим своим духовным наставником не туринского батюшку, а отца Алексия из Николаевского женского монастыря, находившегося в некотором отдалении от места поселения [8, с. 173, 215].

Вероятно, большую информацию можно было бы почертнуть из исповедных росписей тех храмов, в приходах которых жили декабристы, но их сохранилось немного. Гораздо доступнее метрические книги церквей, в которых фиксировались важнейшие события в жизни человека: рождение, создание семьи, смерть. На полях этих книг нередко можно встретить указание, что через несколько лет было выдано соответствующее свидетельство, например, для предоставления в учебное заведение подросшего ребенка. Анализ такого рода записей позволяет судить о круге общения декабристов и об отношении к ним односельчан. Так, например, достаточно часто выступал в роли крестного отца родившихся в Братском остроге малышей П. А. Муханов вкупе с дочерью крестьянина Якова Вдовина Анной³. Можно предположить, что это было довольно близкое декабристу семейство. Свообразными крестьянскими кумовьями в своих селах стали П. Ф. Громницкий, В. П. Колесников, Х. М. Дружинин, Д. П. Таптыков, Н. А. Панов. Односельчане приглашали в восприемники «государственных преступников», видимо, из уважения и к ним самим, и к их дворянскому происхождению, поскольку в те времена духовное родство предполагало дальнейшее участие их в жизни крестников.

Интересно, что не все священники указывали в своих записях статус декабристов – «государственный преступник». Так, тельминский батюшка именовал А. И. Одоевского то «бывшим чиновником», то «проживающим в

³ ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Метрические книги церквей города Иркутска и Иркутской губернии. Д. 493. Л. 384; Д. 504. Л. 167, 169 и др.

фабрике»⁴. Еще более уважительна запись о крещении сына А. Н. Муравьева: «Господина Городничего Полковника Александра Николаева Муравьева и жены его урожденной княжны Параскевы Михайловой Шаховской сын Иоанн». Конечно, Муравьев был ссылочным, но без лишения чинов и дворянства, и восприемниками выступили генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский и Костромской гражданский губернатор С. С. Ланской (зачочно), а крестил протоиерей Воскресенской церкви Прокопий Громов⁵. Крестным отцом внука ссылочного Волконского Сережи Молчанова стал в январе 1854 г. и другой «начальник края» – Н. Н. Муравьев [7, с. 55], благоволивший к декабристам, даже несмотря на посылаемые в Петербург доносы.

Впрочем, и священнослужители занимались доносами. Правда, декабристы выступали здесь скорее как наиболее весомый аргумент в сведении счетов со своими врагами. В 1831 г. иркутский архиепископ Ириней отправил «донесения» жандармскому полковнику Маслову и шефу III отделения Бенкendorфу о том, что бывший иркутский городничий Муравьев принимал у себя жену священника Флоренцова, ездившую с мужем «в Петровский завод к крестнику Громову (священнику при государственных преступниках 14 декабря)». Коменданту Лепарскому пришлось доказывать, что «ему неизвестно, чтобы священник Громов или его дядя Флоренцов тайно пересыпали письма государственных преступников». Правдой оказалось лишь то, что «восприемниками рожденной Флоренцовой дочери были священник Громов и жена государственного преступника Волконского». Из этого Ириней делает вывод: «через кумовство» устанавливаются «связи государственных 14 декабря преступников». И все это для того, чтобы предупредить власти: «Одно его слово (Муравьева. – Т. П., Г. О.) и весь город готов учинить присягу, дабы погубить праведника и оправдать злодея»⁶. Кстати, между М. Н. Волконской и священником В. А. Флорензовым сложились вполне дружеские отношения: именно он обвенчал дочь Волконских Елену с Д. В. Молчановым, а после его смерти ссылочная княгиня обратилась в Совет Сиропитательного дома с просьбой принять дочь умершего священника Василия Флоренсова Александру «пансионеркою»⁷. Печальнее оказались последствия доноса священника Баргузинской церкви на своего коллегу Федора Миронова для семьи М. К. Кюхельбекера. За год до этого декабрист стал восприемником внебрачного сына будущей жены, т. е. находился с ней в духовном родстве, что противоречило церковным догматам. В результате супругов развели, и Кюхельбекера перевели в другое село. И только твердая позиция самого декабриста, и ходатайство сестры Ю. К. Глинки вернули его в Баргузин. Семья вновь соединилась, но положение дочерей с точки зрения тогдашнего закона считалось сомнительным. Федор Миронов решением Иркутской консистории был объявлен «запрещенным священником» и в 1835 г. скончался [17].

⁴ Там же. Д. 416. Л. 165, 168.

⁵ Там же. Д. 401. Л. 9.

⁶ ГАИО. Ф. Р-3303 (Личный фонд С. Ф. Коваля). Оп. 1. Д. 553. Л. 22, 25.

⁷ ГАИО. Ф. 156 (Иркутский Сиропитательный дом). Оп. 1. Д. 34, Ф. 156. Оп. 1. Д. 34. Л. 76–76об.

Метрические записи позволяют уточнить и другие важные события в жизни самих декабристов. Если о свадьбах А. М. Муравьева, В. А. Бечаснова, А. В. Поджио и некоторых других достаточно хорошо известно, то об изменении семейного положения бывшего рядового лейб-гвардии Московского полка Николая Поветкина сообщается только в приходской книге: 31 января 1830 г. «венчаны первым браком Иркутской гражданской больницы служитель Николай Поветкин, с невестой таковою же женкой Пелагией Кириченковою»⁸. 18 апреля 1851 г. в Иркутске состоялась светская свадьба «флота капитана первого ранга, состоящего при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири» Геннадия Ивановича Невельского и племянницы иркутского гражданского губернатора В. Н. Зарина Екатерины Ельчаниновой. Поручителями жениха были капитан Генерального штаба Заборинский и коллежский регистратор Михаил Волконский⁹. По-видимому, юный чиновник был весьма популярен в иркутском обществе, так как нередко выступал в роли то поручителя на венчаниях, то восприемника при крестинах. Свидетельствовал он и на свадьбах дочерей товарищей своего отца – Веры Раевской и Анны Кюхельбекер¹⁰, что говорит о дружеских отношениях, связывавших детей декабристов.

Но в жизни невольных сибиряков были не только радостные события. Только в Иркутске нашли свое последнее пристанище И. В. Поджио, Н. А. Панов, П. А. Муханов, В. А. Бечаснов и Е. И. Трубецкая. «Монахини на руках вынесли из церкви гроб. Все находившиеся в округе декабристы, весь Иркутск во главе с Муравьевым шли за ним. <...> Ей не нужно было ни надгробных слов, ни похвал человеческих, которые бы напомнили о жизни ее, – сообщал очевидец прощания с декабристкой преосвященному Нилу в Ярославль, – дела покойной сами за себя говорят. Толпа, облагодетельствованная ею, принесла ей дань любви – сердечные слезы» [11, с. 275–276]. 6 февраля 1855 г. священник Гавриил Синявин отпел «пропитанного Николая Егорова Поветкина», умершего «от старости»¹¹. Пропитанными называли в Сибири ссыльных, уже не годных к работе и отпущеных на собственное пропитание. 30 сентября 1854 г. в д. Малой Разводной «от кровяной апоплексии без напутствия» скончался П. И. Борисов. В тот же день его младший брат Андрей «от совершенного отсутствия рассудка удавился». Рапорт Разводниковского причта «о разрешении недоумения отпевать или нет» умерших завершился указом Иркутской духовной консистории, и 7 октября братьев похоронили на приходском кладбище¹².

Не обошла декабристов стороной и характерная для того времени высокая детская смертность. И это относилось не только к тем, кто вынужденно должен был вести нелегкую жизнь сибирского крестьянина из далеких от врачебной помощи деревень (Х. М. Дружинину, Д. П. Таптыкову), но и к тем, у кого рядом постоянно находился Ф. Б. Вольф, которому высочайше

⁸ ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Метрические книги церквей города Иркутска и Иркутской губернии. Д. 401. Л. 125.

⁹ ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Метрические книги церквей города Иркутска и Иркутской губернии. Д. 722. Л. 98.

¹⁰ Там же. Д. 694. Л. 689. Д. 712. Л. 593.

¹¹ Там же. Д. 764. Л. 569.

¹² Там же. Д. 750. Л. 112.

было разрешено заниматься лечением населения (Трубецким, А. М. Muравьеву). Реставрация старинных, не всегда в хорошем состоянии документов и их цифровизация, проводимые в иркутском архиве, позволяют ввести в научный оборот новые данные. Но благодаря этой доступности не только расширяется круг важных источников, но и появляются новые загадки. Так, в «Метрической книге церквей Нижнеудинского уезда» за 1851 г. сделана запись о рождении 1 июля у Е. С. и Д. В. Молчановых сына Дмитрия. Восприемниками были мать и брат 17-летней Нелли¹³. Известно, что несколько месяцев супруги провели в Москве и Петербурге и на обратном пути заезжали к декабристам, поселенным в Западной Сибири. В письме В. Л. Давыдова к дочерям от 22 июня говорится о приезде в Красноярск не только Молчановых, но и его «племянницы Волконской» с сыном. Визит этот, хоть и радостный после долгих лет разлуки, все же выбил хворавших хозяев из привычной колеи, и с некоторым облегчением Давыдов сообщает: «Через три дня они уедут, и мы вернемся к обычному образу жизни» [6, с. 377]. Домой в Иркутск все вернулись 31 июля, о чем упомянул в своем дневнике польский ссылочный, близкий к семье Волконских Юлиан Сабиньский [14, с. 745]. Можно предположить, что роды начались в дороге, но ребенок был очень слаб, почему и последовало столь спешное крещение. Через несколько страниц появляется новая запись: «Советника Главного управления Восточной Сибири Коллежского асессора Димитрия Васильева Молчанова сын младенец Димитрий. Недоносок. После крещения вскоре помер»¹⁴. Этим, видимо, объясняется и столь долгий срок (более месяца) переезда семейства из Красноярска в Иркутск.

Участие декабристов в жизни тех мест, куда они были водворены по окончании срока каторги, в какой-то мере предопределило их отношение к разным категориям сибиряков. Несмотря на определенные недоразумения, особенно в начале поселенческого периода, крестьяне, оценивались в общем положительно. Двойственным было отношение к местным чиновникам. В отношении к духовенству, за редкими исключениями, почти нет личностного начала. Сохранившиеся замечания свидетельствуют об определенном единодушии в оценке общего состояния православных священников вообще и сибирских в частности. Пожалуй, ближе всех к выявлению главной причины нелестного мнения был В. И. Штейнгель, писавший в 1846 г. М. А. Бестужеву: «Скажу тебе, едва ли какая-либо отрасль правительенного организма находится в таком забросовом состоянии, в каком наше так называемое православие вообще. И что более всего поражает – это хладнокровие, с каким на то смотрят <...>. Жалко оттого, прежалко наше духовенство – бедностью, невежеством – ученым невежеством <...>, совершенным незнанием своего назначения и потому унижением в понятии народном» [18, с. 261].

¹³ Так называли дома Е. С. Молчанову.

¹⁴ ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Метрические книги церквей города Иркутска и Иркутской губернии. Д. 708. Л. 77, 114.

Список литературы

1. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярск, 1990. 380 с.
2. Бестужев Н. А. Сочинения и письма. Иркутск : Мемор. музей декабристов, 2003. 752 с.
3. Бобрищев-Пушкин П. С. Сомнения и письма. Иркутск : Мемор. музей декабристов, 2007. 512 с.
4. «В потомках ваше племя оживет...» Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 352 с.
5. Воспоминания современников о декабристах, проживавших в Уриковском селении, записанные Ив. Ивановым // Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1999. С. 322–327.
6. Давыдов В. Л. Сочинения, письма. Иркутск : Мемор. музей декабристов, 2004. 512 с.
7. Добринина Е. А. Бедная Нелли: Судьба дочери декабриста. Иркутск : Иркут. музей декабристов, 2004. 580 с.
8. Житомирская С. В., Мироненко С. В. Из архива И. И. Пущина. Письма Н. В. Басаргина // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 159–220.
9. Из переписки отца Петра Мысловского // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2003. С. 95–170.
10. Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983. 282 с.
11. Кологривов И. Княгиня Е. И. Трубецкая // Современные записки. Париж, 1936. Кн. 62.
12. Муханов П. А. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 496 с.
13. Павлюченкова Э. Г. Об иконе, найденной в доме П. Ф. Громницкого в Бельском // Сибирь и декабристы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 209–211.
14. Сабининский Ю. Сибирский дневник. Иркутск : Иркут. музей декабристов : Артиздат, 2015. Т. 2. 840 с.
15. Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. Т. 1. 480 с.
16. Харлампович К. Макарий Глухарев и тобольские декабристы // Русский архив. 1904. № 2.
17. Шмулевич М. М. Михаил Кюхельбекер и баргузинский священник Федор Миронов // Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 137–144.
18. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. Т. 1. 608 с.

References

1. Beljaev A.P. *Vospominanija dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom*. Krasnojarsk [Memoirs of a Decembrist about his Experiences and Over-experiences]. Krasnoyarsk, 1990, 380 p. (in Russian)
2. Bestuzhev N.A. *Sochnenija i pisma* [Essays and Letters]. Irkutsk, Memorial Museum of the Decembrists, 2003, 752 p. (in Russian)
3. Bobrishhev-Pushkin P.S. *Sommenija i pisma* [Doubts and Letters]. Irkutsk, Memorial Museum of the Decembrists, 2007, 512 p. (in Russian)
4. "V potomkah vashe plemja ozhivet..." *Vospominanija o dekabristah v Sibiri* ["Your Tribe will Come to Life in Your Descendants..."] Memories of the Decembrists in Siberia]. Irkutsk, East-Siberian Publ. House, 1986, 352 p. (in Russian)
5. Vospominanija sovremennikov o dekabristah, prozhivavshih v Urikovskom selenii, zapisannye Iv. Ivanovym [Memoirs of Contemporaries about the Decembrists who Lived in the Village of Urikovo Recorded by Iv. Ivanov]. Murav'ev A. M. *Zapiski i pisma* [Muravyev A.M. Notes and Letters]. Irkutsk, East Siberian Publishing House, 1999, 416 p. (in Russian)
6. Davydov V. L. *Sochnenija, pisma* [Essays, Letters]. Irkutsk, Memorial Museum of the Decembrists, 2004, 512 p. (in Russian)
7. Dobrynnina E.A. *Bednaja Nelli: Sudba docheri dekabrista* [Poor Nelly: The Fate of the Decembrist's daughter]. Irkutsk, Irkutsk Museum of the Decembrists, 2004, 580 p. (in Russian)

8. Zhitomirskaja S.V., Mironenko S.V. Iz arhiva I.I. Pushchina. Pisma N.V. Basargina [From the Archive of I.I. Pushchin. Letters of N.V. Basargin]. *Sibir i dekabristy* [Siberia and the Decembrists]. Irkutsk, East Siberian Publishing House, 1983, iss. 3, pp. 159-220. (in Russian)
9. Iz perepiski otca Petra Myslovskogo [From the Correspondence of Father Peter Myslovsky]. *Rossijskij arhiv: Istorija Otechestva v svидетельstvah i dokumentah XVIII–XX vv.* [The Russian Archive: The History of the Fatherland in testimonies and documents of the 18th – 20th centuries]. Moscow, 2003, pp. 95-170. (in Russian)
10. Kodan S.V. *Sibirskaia ssylka dekabristov* [Siberian Exile of the Decembrists]. Irkutsk, 1983, 282 p. (in Russian)
11. Kologrivov I. Knjaginija E.I. Trubeckaja [Princess E.I. Trubetskoy]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Notes]. Parizh, 1936, book 62. (in Russian)
12. Muhanov P.A. *Sochinenija i pisma* [Essays and Letters]. Irkutsk, East-Siberian Publ. House, 1991, 496 p. (in Russian)
13. Pavljuchenkova Je.G. Ob ikone, najdennoj v dome P. F. Gromnickogo v Bel'skom [About the Icon Found in the House of P.F. Gromnitsky in Belsky]. *Sibir i dekabristy* [Siberia and the Decembrists]. Irkutsk, East Siberian Publishing House, Issue 1, 1978, pp. 209-211. (in Russian)
14. Sabinskij Ju. *Sibirskaia dnevnik* [Siberian diary.]. Vol. 2. Irkutsk, Irkutsk Museum of the Decembrists: Artizdat LLC, 2015. (in Russian)
15. Fonvizin M.A. *Sochinenija i pis'ma* [Essays and Letters.]. Vol. 1. Irkutsk, East.-Siberian Publishing House, 1979, 480 p. (in Russian)
16. Harlampovich K. Makarij Gluharev i tobolskie dekabristy [Makarij Glukharev and the Tobolsk Decembrists]. *Russkij arhiv* [Russian Archive]. 1904, no. 2. (in Russian)
17. Shmulevich M.M. Mihail Kjuhel'beker i barguzinskij svjashhennik Fedor Mironov [Mikhail Kyukhelbeker and the Barguzin Priest Fyodor Mironov]. *Pamjati dekabristov: K 150-letiju so dnya vosstanija* [In Memory of the Decembrists: On the 150th Anniversary of the Uprising]. Irkutsk, 1975, pp. 137-144. (in Russian)
18. Shtejngejl V.I. *Sochinenija i pis'ma*. [Essays and letters.]. Vol. 1. Irkutsk, Irkutsk, East-Siberian Publ. House, 1985, 608 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Перцева Тамара Алексеевна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
архивист
Государственный архив Иркутской области
Россия, 664047, г. Иркутск, ул. Байкальская, 79
e-mail: pta_999@mail.ru

Оглезнева Галина Васильевна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: gogl@mail.ru

Information about the authors

Pertseva Tamara Alekseevna
Candidat of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State Univtrsty
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
ArchivistState Archive of the Irkutsk Region
79, Baikalskaya st., Irkutsk, 664047,
Russian Federation
e-mail: pta_999@mail.ru

Oglezneva Galina Vasilievna
Candidat of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State Univtrsty
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: gogl@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принятая к публикации 25. 10.2025
The article was submitted September, 12, 2025; approved after reviewing September, 30, 2025; accepted for publication October, 25, 2025